

**Т.А. Трипольская
Новосибирск**

**Гендерный фактор в семантике эмотивно-оценочного
слова**

Гендерные стереотипы – это один из видов социальных стереотипов, основанных на принятых в обществе представлениях о маскулинном и феминном. Под социальным стереотипом обычно понимается стандартизованный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ... Синонимом стереотипа нередко выступают понятия предубеждения, предвзвешенности или клише [Пушкарева 1999]. Социальные стереотипы действуют в тех ситуациях, когда сложное явление упрощается до знакомого и привычного образца, взятого из арсенала исторической памяти, известного чужого примера и пр., вплоть до мифологических схем. Оpozнание (отнесение к известной схеме) в таких процессах, очевидно, заменяет понимание. В то же время стереотип может выступать и в качестве руководства к действию [Левада 1989].

В лингвистике гендерные исследования постепенно складываются в самостоятельное направление, в котором уже можно выделить некоторые аспекты изучения проблем, связанных с гендером: это лингвокультурологический [Телия 1996], коммуникативно-дискурсивный [Земская, Китайгородская, Розанова 1993] и социо- и психолингвистический [Горошко, Кирилина 1999 и др.]. Иными словами, активно изучаются наши представления, по данным языка, о мужчине и женщине и характерные черты мужской и женской речи.

Настоящее исследование лежит в семантико-прагматической области: это необходимый этап, с помощью которого можно выйти на решение проблем экспликации тех или иных фрагментов картины мира и лексикографической интерпретации участков словаря, связанных с отражением гендерной семантики.

Сочетание «гендерная семантика» кочует из работы в работу, причем это касается и психологических, и социолингвистических и собственно лингвистических исследований, однако место, статус и природа этого компонента лексического значения пока не осмыслены, а указанный компонент «не вписан» в су-

ществующие модели (дифференциальные и интегральные) значения слова. Очевидно, что гендерный компонент значения включается в состав денотативного и/или коннотативного (прагматического) содержания языкового знака.

Прагматический компонент в семантике слова – предмет изучения современной семасиологии и лексикографии [Апресян 1995; Скляревская, 1996, 1997; Булыгина, Трипольская 1998; Трипольская 1999; Булыгина 2001 и др.]. Состав и соотношение элементов, составляющих прагматический макрокомпонент, не определены, вопрос о них относится к числу наиболее дискуссионных (см. узкое и широкое понимание коннотации, соотношение коннотации и прагматического компонента (В.Н. Телия, Н.А. Лукьянова, Т.А. Трипольская, Е.Ю. Булыгина и др.). В прагматическом макрокомпоненте выделяют в качестве имплицитных когнитивный и идеологический, а в качестве эксплицитных – коммуникативно-ситуационный и эмотивный компоненты [Скляревская 1997]. Идеологический компонент основывается, в отличие от когнитивного, не на всеобщих и вечных представлениях о мире, а на знаниях и истинах (искаженных, смещенных), навязанных, внушаемых, пропагандируемых в конкретном социуме [Скляревская 1997].

Представляется, что составляющие прагматической зоны значения не исчерпываются указанными элементами. К указанной зоне, так или иначе, тяготеют социальный, возрастной и гендерный факторы в смысловой структуре языкового знака. Отправной точкой в размышлениях о месте и специфике гендерного компонента является представление о том, что семная структура значения рассматривается как гетерогенная. В ней протраиваются разные типы смысловых отношений: в прагматической зоне значения как наиболее подвижной и диффузной складываются иерархические отношения, в которых вершинный компонент является переменной величиной (социальный компонент, или эмотивно-оценочный, или гендерный в разных семантических конфигурациях).

Гендерный компонент отражает, во-первых, онтологические характеристики предмета (денотативная семантика слова), во-вторых, он связан с широким кругом представлений /мнений /заблуждений социума, касающихся характеристик лица муж-

ского и женского пола (прагматические смыслы). Этот факт неоднократно отмечался в работах И.А. Стернина о семном варьировании лексем *женщина* и *мужчина* (см., например, диспозиционные семы в лексическом значении слова) [Стернин 1985].

Гендерная семантика, о которой активно заговорили в лингвистических исследованиях (для психологии это более освоенная проблематика) последнего времени, безусловно, требует осмысления ее специфики, статуса и соотношения с другими микро- и макроэлементами в структуре лексического значения. Это проблема не только семасиологическая, но и лексикографическая: выявление и семантизация гендерных значений важно для толковых словарей и словарей активного типа. Кроме того, это интересный материал для исследования важнейших характеристик русской языковой картины мира.

Анализ словников разных толковых словарей свидетельствует о том, что гендерные характеристики в номинациях лица, признака, действия являются фрагментарными, очень скудными, а зачастую отсутствуют вовсе. Это естественное «положение дел» в лексикографической практике – ведь чтобы стать объектом внимания лексикографа, языковой факт (гендерная семантика, например) должен быть осмыслен, исследован лексикологом.

Информация о гендерном факторе является наиболее существенной в лексикографировании эмотивно-оценочной лексики (важными также являются возрастная и социальная факторы): характеристики лица мужчины или женщины, интерпретируемые словарями как тождественные, весьма существенно отличаются коннотативной семантикой, прагматическим потенциалом слова. См., например: *модник – модница, болтун – болтунья (болтушка), трепло, рычать, трещать, ворковать, лепетать, чиркать, щебетать* и др.

Особый интерес для изучения гендерной семантики представляют такие характеристики лица, как: сугубо мужские // женские: *слон, остолоп, жулик, подкаблучник // фифа, пышка, лошадь, березка*; общие характеристики (среди них и существительные общего рода): *гений, талант, голова, молодец, гуляка, зевака, ломака, кривляка, кутила, злюка, замарашка* и др.; сло-

вообразовательные пары: *дурак – дура, злодей – злодейка, умник – умница*.

Совершенно не описаны в аспекте гендерной семантики существительные общего рода (*белоручка, грязнуля, неряха, неженка, чистюля, скряга, громила, лежебока*). Будучи формально пригодными для номинации и характеристики лиц мужского и женского пола, существительные общего рода существенно различаются а) частотностью употребления применительно к мужчине или женщине; б) семантико-прагматическими элементами; в) особенностями функционирования в речи.

Так, по данным направленного ассоциативного эксперимента, выделяются характеристики лица общего рода, называющие сугубо мужские недостатки: *кутила, гуляка, здоровьяга, громила, пьяница, выпивоха, детина, лежебока* и др. Понятие недостатка человека, отраженного в эмотивно-оценочном слове, желательное пояснить: зачастую основанием оценки является вовсе не тот признак, что положен в основу номинации. *Детина, дылда* и др. отражают отрицательное отношение к объекту оценки не за очень высокий рост или крепкое телосложение (это, скорее, положительные признаки внешности человека), но за негативные поступки, неподобающее поведение, несоответствие ожиданиям окружающих, хотя последние, будучи фактическими основаниями оценки, являются имплицитными, скрытыми. Иными словами, каузатор раздражения говорящего субъекта остается не эксплицированным.

Кроме того, имеются отрицательные оценочные единицы, связанные с «общими» недостатками, например, с жадностью и скупостью, однако соответствующие характеристики также избирательно применяются к лицам мужского и женского пола, ср., например: *скряга, сквалыга* (добавим окказиональные метафоры *Гобсек, Скупой рыцарь*). Возможно, они характеризуют наивысшее проявление признака характера, когда речь идет о всепоглощающей страсти, женская же скупость «измеряется», скорее, бытовыми мерками: *жадина, жадюга, скупердяйка /скупердяй* и др.

Второй момент связан с существенными отличиями в семантике мужских и женских характеристик общего рода. Так, эмотивно-оценочное слово *неженка*, в котором словари не отмеча-

ют никаких особенностей, связанных с гендерной семантикой (ср.: **неженка**. м. и ж. Изнеженный, чересчур чувствительный человек – ТСОШ), отличается широким вариативным потенциалом эмотивно-оценочного значения, зависящего от гендерной составляющей:

(1) *Завел роту в огромную лужу и велит ротному командовать: «Ложись!».* Тот помялся, однако командует: «Ложись!».

Солдаты растерялись, думают, что не расслышали. А генерал при нижних чинах давай пушить командира: «Как ведете роту! Белоручки! Неженки! Если здесь в лужу бояться лечь, то как в военное время вы их подымете... Не солдаты у вас, а бабы, и командир – баба!» (А.Куприн. Поединок); (2) – *Его ранило в живот. Рана глубокая. Я не знаю, доведу ли я вас к живому... – Что вы такое говорите? – у Мелитрисы вдруг все поплыло перед глазами, голова ее откинулась на подушки. – Фуй, какая чувствительная...право неженка! Выпейте вот это... оно взбодрит* (Н.Сорокина. Канцлер).

Если в первом контексте мужские характеристики (*белоручки, неженки, бабы*) несут сугубо отрицательные коннотативные смыслы (уподобление храбрых солдат *бабам*), то во втором – *неженка* передает вполне терпимое отношение к женским слабостям.

Нельзя не учесть и словообразовательные пары, прагматические значения которых не являются идентичными. Ср.: **Трус**. Человек, легко поддающийся чувству страха. || ж. **трусиха** (разг.). || уменьш. **трусихка** (разг.); **модник**. (разг.) Франт, во всем следующий моде. || ж. **модница**; **Болтун**. Болтливый человек || ж. **болтунья** || уменьш. **болтушка** (ТСО, ТСОШ).

Отсутствие специальных толкований для женских и детских характеристик особо остро ставит проблему специального исследования гендерной, возрастной и эмотивно-оценочной семантики в их соотношении. Простейший тест на сочетаемость с местоимением «я» (см. понятие иллокутивного самоубийства Вендлера) демонстрирует существенные отличия в прагматической зоне значения слов: – *Я, знаете, такая трусиха! Ужасно боюсь темноты* и – *Я такой трус!* (р.р.). Если первое высказывание представляется совершенно естественным в большом количестве коммуникативных ситуаций, то второе возможно,

например, в шутливо-жалобном высказывании: *Я такой трус! Страшно боюсь стоматолога* или в вариантах: *Я вел себя как трус*, соотносимых с планом прошедшего (сейчас ситуация иная). Подобным образом функционируют и словообразовательные пары *модница* (скорее, положительное или шутливое / мягко ироничное отношение) и *модник* (насмешливое, ироническое, негативное отношение к мужчине, чрезмерно увлекающемуся модой).

Сходная картина наблюдается и в области глагольной лексики, в частности в глаголах говорения (*ворковать, чирикать, щебетать, пищать, рычать, рывкнуть, пропеть, ойкать, ахать, прошелестеть, лепетать, восклицать, брюзжать, басыть, визжать* и др.), которые были проанализированы с точки зрения соотношения гендерной и эмотивно-оценочной семантики. Вполне логично соотнести эти прагматические элементы и с социальным компонентом в структуре лексического значения [Крысин 1989].

Ср., например: **щебетать**. 1. О птицах: петь. 2. перен. Говорить быстро, без умолку (**обычно** о детях, **молодых женщинах**) (разг.) [ТСОШ].

Данная словарная статья относится, скорее, к исключениям, так как содержит информацию о гендерной семантике слова. Обычно глаголы говорения не дифференцируются словарем с точки зрения принадлежности речи мужчине или женщине (*рычать, рывкать, болтать, ворковать, визжать* и др.). Указанные глаголы в реальной коммуникации могут (с разной долей вероятности!) характеризовать и мужскую, и женскую речь, однако при этом существенным образом меняется коннотативное содержание слова:

(1)– *Не сержусь, не сержусь, мой ангельчик!* – **защебетала** Марья Александровна, мигом оживляясь (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон); (2) *Наденька о чем-то радостно **щебетала** в кругу подруг* (А.П. Чехов); (3) – *О чем это вы **щебечете**, птишки мои? Булавки-заколки сравниваете?* (разг. речь); (4) – *Шинель, шинель, шинель, шинель друга моего! Шинель моего лучшего друга!* – **защебетал** развратный человек, вырывая из рук одного человека шинель и набрасывая ее, для подлой и неблагоприятной насмешки, прямо на голову господину Голядкину;

(5) – *Яков Петрович, Яков Петрович! – защебетали оба регистратора, – вы здесь? По какому... поводу?* (Ф.М. Достоевский. Двойник).

В примерах (1) и (2) глагол *щебетать*, обозначая женскую речь, актуализирует семантико-прагматические признаки «говорить легко, весело, оживленно, звонко + положительное коннотативное содержание»; в контексте (3) реализуется значение «говорить о чем-то мало существенном, о ерунде + насмешливо-ироническое отношение к говорящим»; в примере (5) *защебетать* характеризует мужскую речь – «говорить бойко, быстро, подобострастно, желая понравиться собеседнику + социальный компонент "речь, направленная снизу вверх" + резко отрицательная оценка». В контексте (4) актуальный смысл глагола говорения осложняется компонентом «нагло». Таким образом, мужские и женские речевые характеристики (как и прочие свойства человека), обозначаемые одним и тем же словом, отличаются неодинаковым объемом и качеством денотативной и коннотативной информации.

Для эмотивно-оценочного фрагмента словаря изучение гендерного фактора очень актуально, так как от гендерной семантики в существенной мере зависит содержание соответствующих коннотаций («эмотивность», «оценочность», «интенсивность/чрезмерность»). Гендерный фактор определяет знак, качество и интенсивность (категоричность) эмотивно-оценочного содержания слова. Подобное исследование дает возможность уточнить семантику эмотивно-оценочного слова, наметив широкий спектр денотативного и коннотативного варьирования, а также выявить особенности функционирования слова в дискурсе. Кроме того, это необходимый шаг в разработке лексикографических схем для лексики, содержащей гендерный семантический элемент. Выявленные семантико-прагматические отличия, связанные с гендерным и эмотивно-оценочными факторами, конечно, должны быть отражены в семантизации слова (в толковании, пометах, иллюстративном материале).

И, наконец, эмотивно-оценочный словарь, как видим, воплощает тонкие, уникальные элементы русской аксиологической картины мира и позволяет описать существующие гендерные стереотипы современного социума.

Литература

Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря (1988) // Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. – М., 1995. Т.2.

Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект) (1992) // Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. – М., 1995. Т.2.

Булыгина Е.Ю. Идеологический прагматический компонент в семантике слова и его лексикографическая интерпретация // Проблемы интерпретационной лингвистики: автор – текст – адресат. – Новосибирск, 2001.

Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Способы отражения прагматической информации экспрессивного слова в словарях (опыт исследования и материалы к словарю) // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск. 1998. Вып. 2.

Горошко Е., Кирилина А. Гендерные исследования в лингвистике сегодня. – Харьков. 1999.

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989.

Левада Ю.А. Интеллигенция // 50/50: Опыт словаря нового мышления. – М., 1989.

Пушкарева Н. Гендерные исследования: рождение, становление и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999.

Склярёвская Г.Н. Реальный и ирреальный мир в толковом словаре (к вопросу о прагматическом компоненте слова) // Семантика и коммуникация. – СПб., 1996.

Склярёвская Г.Н. К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? – СПб, 1997.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск, 1999.

© Трипольская Т.А., 2006